

развитии девушки или юноши от детства к зрелости, от инфантильной зависимости к здоровой самостоятельности. Ключевыми моментами этой роли являются организация равноправных, уважительных отношений, чуткость и понимание потребностей молодого человека в определении собственной идентичности и установлении интимных межличностных связей, доверие его способности к самостоятельному решению проблем и в то же время готовность предоставить ему помощь в момент, когда она необходима.

¹ Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М., 2004.

² См.: Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 139–151.

³ См.: Бурменская Г.В. Методики диагностики привязанности к матери ребенка дошкольного и младшего школьного возраста // Психологическая диагностика. 2005. № 4. С. 5–44.

⁴ См.: Berman S.L., Weems C.F., Rodrigues E.T., Zamora I.J. The relation between identity status and romantic attachment style in middle and late adolescence // J. of adolescence. 2006. Vol. 29. № 5. P. 737–748; Kassel J.D., Wardle M., Roberts J.E. Adult attachment security and college student substance use // J. of Applied Developmental Psychology. Addictive Behaviors. 2007. Vol. 32 (6). P. 1164–1174. <http://www.sciencedirect.com>; Покатаева М.В. Детские взаимоотношения в контексте теории привязанности //

Журн. практ. психологии и психоанализа (ежеквартальный науч.-практ. журн. электронных публикаций). 2002. № 4. <http://rsyjournal.ru/psyedu/2002/n4/2273.shtml>; Пупырева Е.В. Эмоциональная привязанность и развитие автономии в младшем школьном возрасте // Тезисы докладов Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи» (Москва, 25–27 окт. 2005 г.): В 3 ч. М., 2005. Ч. 2. <http://index.php/view/person/item/1>; Яремчук М.В. Роль привязанности к родителям в формировании романтических отношений в старшем подростковом возрасте // Там же. Ч. 3. <http://index.php/view/person/item/1>; Калмыкова Е.С., Падун М.А. Ранняя привязанность и ее влияние на устойчивость к психической травме (сообщение 1) // Психологический журнал. 2002. № 5. С. 88–105.

⁵ См.: Балинт М. Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии: Пер. с англ. М., 2002.

⁶ См.: Fraley R.C. Attachment stability from infancy to adulthood: meta-analysis and dynamic modeling of developmental mechanisms // Personality and social psychology review. 2002. Vol. 6 (2). P. 123–151. <http://psr.sagepub.com/cgi/content/refs/6/2/123>

⁷ См.: Криттенден П. Трансформация отношений привязанности в юности // Журн. практ. психологии и психоанализа (ежеквартальный науч.-практ. журн. электронных публикаций). 2002. № 1 (март). <http://psyjournal.ru/3p/pap.php?id=20020110>; Смирнова Е.О., Радева Р. Развитие теории привязанности (по материалам работ П. Криттендена) // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 105–117.

Поступила в редакцию 05.10.07.

Ирина Алексеевна Челядинская — педагог-психолог психологической службы.

В.А. ПОЛИКАРПОВ

КАТЕГОРИИ «ЗНАК» И «ЗНАЧЕНИЕ» В ФИЛОСОФИИ СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМ ЭРНСТА КАССИРЕРА

Рассматривается понимание категорий «знак» и «значение» в философии символических форм Эрнста Кассирера. Указывается на ее связь с психологической теорией С.Л. Рубинштейна.

The article considers the categories of «sign» and «sense» in the philosophy of symbolic forms of Ernst Cassirer. The author points out the relationship between Ernst Cassirer's philosophy of symbolic forms and the psychological theory of S.L. Rubinshtein.

В настоящее время в психологии остро стоит проблема методологии. Методологической базой теории психического как процесса, разработанной отечественным психологом С.Л. Рубинштейном, в значительной степени является философия символических форм немецкого философа-неокантианца Эрнста Кассирера. Приведем некоторые ее основные положения.

Неокантианство возникло как реакция на появление в XIX в. «вульгарных» (по мнению неокантианцев) философских течений, таких как, например, позитивизм, отрицавших немецкую классическую философию. Для неокантианцев возрождение и развитие немецкой классической философии означало спасение философии вообще как специфической формы общественного сознания, поскольку появившиеся в XIX в. многочисленные философские течения, такие как, например позитивизм или неогегельянство, не были по существу философиями. Они были следствием рефлексии представителей бурно развивавшихся тогда естественных и социальных наук о

возвращении к И. Канту. Так, с середины XIX в. стало развиваться неокантианство. В Германии представителями его были О. Либман, Ф.А. Ланге, Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, В. Виндельбанд, Г. Риккерт; в России — А. Введенский, И. Лапшин, А. Белый, который в эстетике опирался на взгляды неокантианцев.

Для того чтобы сделать философию Канта фундаментом дальнейшего философского развития, по мнению неокантианцев, в ней нужно было исправить одно существенное положение. В ситуации познания И. Кант выделял ноумен, или «вещь в себе», и феномен — «вещь для нас». Ноумен непознаваем, но вследствие процессов аффицирования он порождает в сознании субъекта феномен — «вещь для нас», или даже можно сказать точнее — «мир для нас». Невозможно установить, соответствует или не соответствует феномен ноумену. В физиологии эта идея превратилась в «закон специфических энергий органов чувств», сформулированный И. Мюллером и разделявшийся Э. Ферворном. Они доказывали, что внешний мир как трансцендентное, по Канту, начало действует на органы

но вызываются им (подчеркнем, путем *непосредственного* воздействия на органы чувств). Гносеологически противоположное убеждение в физиологии заключалось в том, что внешний мир, действуя на органы чувств, вызывает адекватные образы. Это так называемый постулат непосредственности, который Э. Кассирер отождествлял с теорией отражения.

Неокантианцы не приняли ни то, ни другое убеждение. Они считали, что философию Канта надо избавить от дуализма ноумена и феномена. Особую критику вызывала идея аффицирования. Казалось совсем непонятным, каким образом и почему ноумен должен непосредственно воздействовать на сознание (в естественнонаучной интерпретации на органы чувств), порождая там феноменальный мир.

Стремясь преодолеть этот дуализм, неокантианцы пошли по пути отрицания ноумена. Отрицание «вещи в себе» стало центральной идеей, интегрирующей неокантианство. Предмет познания теперь стал рассматриваться как конструируемый самим сознанием из хаоса впечатлений, принадлежащих также сознанию, а истинность познания оказалась в зависимости от соблюдения внутренних (теперь уже «внутренних» условно) законов построения логически-понятийных и пространственно-временных структур. Разные авторы называли это по-разному. В данной статье используется терминология Э. Кассирера: *logisch-Begriffsstruktur, raumlich-Zeitstruktur*¹.

В результате был преодолен агностицизм Канта. Мир стал познаваем в том смысле, конечно, в каком это понимали неокантианцы, отождествившие мир с тем, что Кант называл феноменом. Одновременно был достигнут монизм в вопросе о факторах, порождающих мир опыта. Вместо двух факторов «вещи в себе» и деятельности субъекта был оставлен один – последний.

Все это необходимо знать для понимания философии Э. Кассирера, который начал свою творческую деятельность как неокантианец. В период, когда Кассирер писал «Философию символических форм», он уже не был неокантианцем (в нашей литературе спорят об этом, но это не принципиальные споры). К.-О. Апель считает его одним из основателей культурно-герменевтической традиции².

Итак, сознание, по Кассиреру, конструирует мир человеческой культуры. Только этот мир – *der Welt* (очень часто употребляемое Кассирером понятие) – и есть реальность, данная (*gegeben*) человеку. В ней задается субъекту объект (*das Objekt*), который противостоит субъекту, как Я – миру³. Объект познания не дан, а задан – это классическая формула неокантианства. Выступая для познающего субъекта как X (понятие X ввел Коген), он уже каким-то образом представлен в сознании посредством независимых от сознания (!) (у кантианцев это означает независимо от воли) отношений. Познавая их, субъект вос-

«структура» (*das Struktur*) также являются центральными у неокантианцев⁴. Причем в восстановлении объекта структура играет главную роль. Э. Кассирер подробно рассматривает развитие этого понятия в первом томе своей работы, начиная от *die Idee* или *die Gestalt* Платона, далее априори или закона у Канта, и, наконец, принцип целого (*die Ganze*) в современной ему философии. Благодаря доминированию целого в познании, т. е. восстановлению объекта все время как целого, достигается единство бытия. В частности, он пишет: «Неподвижное понятие бытия, кажется, тем самым должно попасть как бы в течение, во всеобщее движение, и только в качестве цели, а не в качестве начала этого движения главным образом должно мыслиться единство бытия»⁵. Выдвигая принцип структуры, обслуживающий это движение (*das Strukturprinzip*⁶), Э. Кассирер выступает как холист.

Восстановление структуры, являющееся шагом на пути такого движения к цели, когда цель ускользает как горизонт, не есть, таким образом, завершение познания. Восстанавливая объект, субъект идет от структуры к структуре. Структуры, в которых понимается субъектом объект, есть порождение сознания. Но это не субъективизм, вспомним о независимых от Я отношениях. Кроме того, это не субъективизм и потому, что мышление отождествлено с бытием и факты мышления (познания) есть факты бытия. Ведь «оно (мышление) идет теперь не рядом с бытием, оно не есть чистая рефлексия о нем, а оно есть своя собственная внутренняя форма, которая со своей стороны определяет внутреннюю форму бытия»⁷. И еще: «...так как мышление и бытие должны не только «соответствовать» друг другу в каком-нибудь сознании, а они должны проникать друг в друга»⁸.

Кассирер ищет свой закон, формирующий целое. В отличие от идеи Платона, априори Канта (которые теперь под именем структур выступают как этапы, поскольку конечная целостность недостижима) и т. п. он вводит понятие «символическая функция» – *symbolische Funkzion*. Мир человеческой культуры представляет собой совокупность символов, объединенных в широком плане в большие символические единства, в каждом из которых только и определен символ. Э. Кассирер называет их символическими формами (в смысле формациями) – *symbolische Formen*. К ним относятся язык, миф, религия, искусство и наука. Каждая форма имеет свою символическую функцию. Кроме этих символических функций имеются: 1) пространство и время, 2) презентация и репрезентация, 3) знак и значение, 4) расчленение и соединение, 5) анализ и синтез и др. В отличие от специфических символических функций они участвуют в формировании всех символических форм, ведь даже мифическим понятиям «...при- суц определенный характер, определенная зна-

Каждая символическая форма может быть проанализирована как с точки зрения символов, так и с точки зрения знаков. Мы остановимся на знаках.

Всякая символическая форма создает свой чувственный субстрат. Кассирер пишет: «...идеальные формы познаются и узнаются только в воплощении чувственных знаков, которые обслуживают их выражение»⁹. Так выражается духовное в чувственном. Знак есть средство достижения единства духовного и чувственного, выражаемого и выражающего, поэтому чувственность не есть что-то отделенное (независимое) от духовного. «Здесь действует не просто данная и перед нами находящаяся чувственность, а система чувственного многообразия, которое создается в определенной форме свободного творчества»¹⁰.

Как возникают знаки? Имеется хаос впечатлений, которые являются непосредственным выражением (*unmittelbare Eindrücke*), т. е. также принадлежат сознанию. В результате расчленения (*das Trennen*) и связывания (*das Verknüpfen*) в них вычлениваются факты (*der Faktum*), которые в процессе называния («benennen» — непонятно, почему Кассирер берет это слово в кавычки, может быть, просто по стилистическим соображениям?), совпадающем с моментом связывания, означиваются, т. е. получают знак (*das Zeichen*). «Здесь лежит только начало той всеобщей функции расчленения и связывания, которая находит свое высшее сознательное выражение в анализе и синтезе научного мышления»¹¹. Значение знака определяется внутри одной из целостных структур сознания. «Синтез, посредством которого в сознании связывается следование тонов в единство мелодии, отличается от того, в силу которого соединяется для нас разнообразие речевых звуков в единство "предложения". Но общим для них является то, что в обоих случаях отдельные чувственные детали (элементы) не остаются противостоять друг другу, а что они включаются (соединяются) целостностью сознания и только посредством этого получают качественный смысл»¹².

Базируясь на знаках, речь (или язык — в немецком языке нет двух разных слов для их обозначения, что часто вызывает путаницу в переводах) депонирует в себе знание. На наш взгляд, когда говорят о философии языка, многие проблемы которой, кстати, были сформулированы Кассирером, точнее было бы употреблять термин «философия речи». Везде подразумевается, конечно, речь, а не язык как совокупность знаков и правил их соединения, т. е. из-

менения собственно знаков при их употреблении в речи. Но так как в широком смысле эти правила совпадают с правилами, или законами формирования высказываний, с правилами говорения, лингвистика оказывается не только наукой о языке, но и специфической наукой о речи, т. е. должна считаться частью психологической наукой. Характеризуя знаки, приведем обширную цитату из Кассирера: «Знак не есть чисто случайная оболочка мышления, а необходимый и существенный орган. Он служит не только целям сообщения данного (наличного) содержания мышления, а является инструментом, в силу которого это содержание само формируется и в силу которого оно только и добывается своей полной определенности. Акт понятийного оформления содержания идет вместе с актом его фиксации в каком-нибудь характерном знаке рукой об руку. Так находят все истинное, строгое и точное мышление свою фиксацию только в символической и семиотической (т. е. в символах и знаках. — В. П.), на которые оно опирается. Каждый закон природы выбирает для своего мышления структуру (гештальт) всеобщей формулы, но каждая формула изображается через привязку к всеобщим и специфическим знакам. Без таких универсальных знаков, как в арифметике и алгебре, нельзя произнести ни одного понятия, в физике — ни одного естественного закона. В этом вообще ясно проявляется основной принцип познания, всеобщее всегда проявляется лишь в особенном, особенное всегда должно мыслиться в отношении ко всеобщему»¹³.

Добавим, что изложенное «...не ограничивается наукой, а идет через все другие основные формы духовного творчества»¹⁴.

¹ См.: Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen*. Berlin, 1923. Bd. 1. S. 20.

² См.: Apel K.-O. *Das Verstehen*. Archiv für Begriffsgeschichte. Bonn, 1965.

³ Cassirer E. *Op. cit.* 1927. Bd. 2. S. 19.

⁴ Ibid. 1929. Bd. 3. S. 17.

⁵ Ibid. 1923. Bd. 1. S. 5.

⁶ Ibid. 1929. Bd. 3. S. 17.

⁷ Ibid. 1923. Bd. 1. S. 4.

⁸ Ibid. 1929. Bd. 3. S. 4.

⁹ Ibid. 1923. Bd. 1. S. 18.

¹⁰ Ibid. S. 20.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. S. 27.

¹³ Ibid. S. 18.

¹⁴ Ibid.

Поступила в редакцию 03.10.07.

Владимир Алексеевич Поликарпов — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.